

ЗНАЧЕНИЕ 1863 ГОДА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ¹

1863 год – один из «рубежных» в истории русской общественной мысли, наряду с такими знаковыми датами, как 1825 и 1881. Его значение с отчетливостью вырисовывается при изучении интеллектуальных биографий целого ряда представителей русской общественной мысли – И.С. Аксакова, М.Н. Каткова, К.П. Победоносцева, Н.Н. Стрхова, Е.М. Феокистова. С существенными основаниями в этот ряд могут быть помещены, в частности, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, А.Ф. Писемский².

В статье 1929 г. А.Е. Пресняков следующим образом описывал эволюцию взглядов Е.М. Феокистова: «Вместе с М.Н. Катковым проделал он в годину польского восстания тот переход от умеренного либерализма к твердому консерватизму, который представлялся ему отражением “благодетельного переворота” в русском общественном сознании в итоге “могучего движения, которое совершилось в среде русского общества” – так характеризует Феокистов в одной из историко-публицистических статей своих резкое поправление широких слоев российского дворянства под впечатлением борьбы за Польшу...» [2, с. 6]. Масштабность интеллектуальной эволюции, вызванной событиями 1863 г. может быть оценена через посредство такого критерия, как сопоставление интеллектуальных траекторий до 1863 г. Исходные основания, различные направления движения до 1863 г. могут быть сведены только к максимально общему единому пункту – никто из лиц, перешедших на «консервативные позиции» (при всей условности последнего определения), не придерживался непосредственно до 1863 г. радикальных взглядов.

Реакция русского общества на польское восстание – консолидация и выявление единства оснований (или обретение нового единства). Несколько лет спустя, давая ретроспективную оценку, Стрхов писал: «Говоря литературными формулами, все мы до 1862 года были более или менее западниками, а после этого года все более или менее стали славянофилами» [1, с. 59]. А непосредственно в гуще событий его оценки были еще более радикальны – в июне 1864 г. он публикует в журнале «Эпоха» статью под заголовком «Славянофилы победили»: «Это известие давно уже должно быть записано крупными буквами в летописях отечественной словесности. [...] Нечего и толковать, что в последние два года в настроении нашего общества и нашей литературы произошла глубокая перемена. [...] Перемена, совершившаяся на наших глазах, была быстрая и неожиданная. Еще немного времени назад, казалось, никто не мог бы ее предугадать или предсказать. Не было ни одного признака, который бы предвещал ее» [3, с. 439]. Отметим, что в действительности говорить о «победе славянофилов» было бы неоправданно, поскольку события 1863 г. в свою очередь вызвали раскол в славянофильском направлении, фактически прекративший к 1864 – 1865 гг. существование

прежнего славянофильского кружка. Разумеется, Страхов имел в виду не судьбу славянофильства как конкретного общественного направления, а скорее изменение статуса идей, в широком смысле определяемых в качестве «славянофильских» – ранее воспринимавшиеся в качестве маргинальных, они на протяжении 1863 – 1864 гг. приобрели статус едва ли не официальной – или, во всяком случае, «общественной» – идеологии, причем в качестве «славянофильских» квалифицировались и взгляды М.Н. Каткова, фактически решительно далекого от славянофильства на всех этапах своей интеллектуальной эволюции. Под «победой славянофильства» (или, как вскоре стали говорить, «московским направлением») понималось общественное и отчасти государственное признание оправданности и законности *национального патриотизма* (потеснившего прежний, внациональный имперский патриотизм, имевший почти исключительно политическое измерение).

Важным фактором, повлиявшим на изменение интеллектуально-психологической атмосферы в русском обществе в 1863 – 1864 гг. стала угроза иностранного вмешательства – революционные лозунги, дипломатическое давление и угрозы и «широкий либерализм», не признававший прав на существование национального самосознания и национальных интересов исключительно у собственного общества, но готовый принимать едва ли не любые иные национальные интересы в качестве законных и естественных, были восприняты в ситуации угрозы 1863 г. в своем единстве – как непосредственная угроза государству³. Осознание угрозы привело к мобилизации русского общественного мнения, но одновременно вызвало понимание недостаточности подобной реакции: «Не хорошо то, что мы дозволяем нашим врагам поднимать вопрос о нашей жизни и смерти; не хорошо то, что мы на каждом шагу должны напоминать им о нашей готовности пролить всю нашу кровь и лечь всеми нашими костями за свое политическое существование. Нельзя назвать хорошо обеспеченным положение того человека, который должен ежеминутно заявлять готовность жертвовать жизнью в защиту каждого из своих прав и каждого из своих интересов. [...] Но почетно ли, выгодно ли для народа такое положение, в котором он должен непрерывно прибегать к последнему аргументу всего живущего, к чувству и силе самосохранения» [5]. Была осознана и сформулирована необходимость общественного мнения, а не общественных эмоций – необходимость, вызванная, в числе прочих, продемонстрированной слабостью государства, его потребностью в общественном мнении, в содействии общества (на тот момент большинству наблюдателей представлялось, что власть готова в долгосрочном плане взаимодействовать с обществом – не только вызывать его поддержку в тех случаях, когда оно нуждается в ней, но и вести диалог с обществом, позволить ему консолидироваться в тех или иных существующих и создаваемых новым законодательством формах – дворянских собраний, земских и городских учреждений и т.д.).

События 1863 г. приводят к осознанию хрупкости государства – Российская Империя перестает восприниматься в качестве «естественного», «само собой разумеющегося» феномена (чему способствовал практически

непрерывный рост Империи на протяжении XVIII – 1-й половины XIX вв.). Этому способствует восприятие угроз внешних и внутренних как реальных – способных угрожать самому существованию государства или, по крайней мере, его территориальной целостности. Консолидация перед лицом внешней угрозы срабатывает на основании первичного механизма обретения идентичности – по негативному принципу. Дальнейшее направление развития сформировавшегося после 1863 г. широкого спектра направлений русской общественной мысли, в целом со значительной долей условности определяемых как «консервативные», выражается в стремлении заменить «негативную идентичность» на «позитивную», сформулировать положительные ценностные и целевые основания. Общим для всех них основанием стало признание положительной ценности существующего государства, невозможность на практике противопоставить общество и государство, фундаментальное единство их интересов, нуждающихся не в борьбе и размежевании, а в нахождении форм и способов взаимодействия; как писал И.С. Аксаков В.А. Елагину 30 июня 1863 года: «любовь к России должна пересилить отвращение к казенному порядку» [цит. по: 6, с. 112].

Примечания:

1. Исследование выполнено в рамках гранта от Совета по грантам Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов»; № гранта МК-1649.2011.6.

2. Негативным образом в этот ряд входит и Тургенев, под влиянием событий 1863 г., напротив, сдвигающийся «влево» – как отмечал Страхов, для Тургенева всегда была характерна реакция «от противного», стремление принадлежать к «передовой» мысли [см.: 1].

3. Указанное единство Катков выразил в знаменитом тезисе об «интриге», одновременно долженствующем освободить от подозрения в глазах власти русское общество.

Список источников:

1. *Страхов, Н.Н.* Критические статьи. Т. 1: Об И.С. Тургенев и Л.Н. Толстом (1862 – 1885). Изд. 5-е. / Издание И.П. Матченко. – Киев: Типография И.И. Чоколова, 1908. – XV + 387 с.

2. *Пресняков, А.Е.* Воспоминания Е.М. Феоктистова и их значение // *Феоктистов, Е.М.* За кулисами политики и литературы (1848 – 1896). Воспоминания / Е.М. Феоктистов. – М.: Новости, 1991. С. 5 – 12.

3. *Страхов, Н.Н.* Из истории литературного нигилизма 1861 – 1865. Письма Н. Косицы. – Заметки Летописца и пр. / Н.Н. Страхов. – СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1890. – XII+596 с.

4. *Цимбаев, Н.И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века) / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 274 с.

5. Московские Ведомости. 1863, № 103 (12 мая).

6. *Цимбаев, Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 264 с.